

ВТОРАЯ ПЯТИЛЕТКА: МЕХАНИЗМ СМЕНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Известно, что после катастрофического кризиса, постигшего страну на рубеже первой и второй пятилеток, советская экономическая политика претерпела изменения. В периоды переходов и трансформаций (и начальный этап второй пятилетки не исключение) наиболее открыто и полно проявляются суть системы, закономерности ее развития. А поэтому поворот к более умеренному и сбалансированному курсу, обозначившийся в 1933 г., привлекает особое внимание историков¹.

Наиболее очевидная проблема любого переходного периода — механизм смены политики. Были ли перемены результатом единоличного решения вождя, происходили ли хаотично под давлением обстоятельств или предопределялись сложным взаимодействием интересов относительно независимых партийно-государственных структур и т. д.? Без ответа на подобные вопросы умозрительными остаются более общие рассуждения о характере власти и т. п. Для рассмотрения же конкретных проблем необходимы конкретные данные и факты. В этом случае не обойтись моделированием схем и оригинальной интерпретацией опубликованных официальных материалов. Это ставит исследователя в полную зависимость от степени доступности и сохранности документов.

Однако, несмотря на значительный прогресс в деле «рассекречивания» архивов, потребности исторических исследований удовлетворены лишь частично. Часть фондов, прежде всего касающихся деятельности высших органов партийно-государственной власти и отдельных вождей страны, по-прежнему находится в монопольном владении узкой группы чиновников. Запутанная система делопроизводства и хранения привела к раздробленности единых фондов, часть которых (причем не ясно какая) содержится в недоступных ведомственных архивах. Разочарование ждало историков во многих случаях и после открытия архивов: выяснилось, что многие документы по разным причинам утрачены. В общем, обстоятельства еще раз подтвердили очевидную для специалистов истину: не существует сейфов, содержащих разложенную по полочкам историческую информацию. Историкам, видимо, не обойтись без периода «первоначального накопления», длительного и, может быть, даже скучного восстановления конкретной исторической картины.

С учетом этих обстоятельств в настоящей статье сделана попытка исследовать процесс формирования основных принципов советской экономической политики в годы второй пятилетки. Для этого рассмотрена главным образом деятельность Госплана и его руководителей, непосредственно занятых разработкой и согласованием планов, определявших направление и суть общего экономического курса. Авторам пришлось столкнуться со всеми трудностями, о которых сказано выше. Исследование стало возможным в результате постепенного выявления в различных архивах документов, дополняющих друг друга и создающих некую общую картину. Среди них — материалы Политбюро, личные фонды Куйбышева и Орджоникидзе в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), фонды Совнаркома и секретариатов заместителей Председателя СНК СССР в Государственном

* Девис Роберт, профессор, научный сотрудник Центра русских и восточноевропейских исследований Бирмингемского университета (Великобритания).

Хлевнюк Олег Витальевич, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Свободная мысль».

архиве Российской Федерации (ГА РФ), фонд Госплана в Российском архиве экономики (РГАЭ). Почти все документы лишь недавно рассекречены.

ЧАСТИЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ К СБАЛАНСИРОВАННОМУ ПЛАНИРОВАНИЮ

1931—1933 гг.

Несмотря на то, что существуют, правда, не подтвержденные документально, свидетельства о серьезных сомнениях В. В. Куйбышева по поводу жизненности увеличенных индустриальных планов на 1930 г.², публично и Куйбышев, и новый Госплан, управлявшийся им с 1931 г., демонстрировали полную приверженность сверхамбициозным программам «периода увеличения». Проект плана на 1932 г., который обсуждался на заседании Президиума Госплана 11 мая 1931 г., предусматривал прирост промышленной продукции на 50%, что превышало чрезвычайно оптимистическую программу 1931 г. Производство чугуна в 1932 г. должно было составить 11,5 млн. т³. На этом же заседании Куйбышев провозгласил, что последний год второй пятилетки, 1937-й, ознаменует «завершение строительства социализма» и производство по крайней мере 60 млн. т чугуна⁴.

Сверхамбициозные планы 1930—1931 гг. сопровождалась выработкой новой идеологии планирования. Она брала начало в принципах, которые защищали С. Г. Струмилин, Г. М. Кржижановский и другие «телеологи» 1920-х гг., соответствующим образом приспособленных к преувеличенным и нереалистическим вариантам. Понятие сбалансированного плана было отвергнуто на том основании, что поступательное развитие неизбежно связано с диспропорциями. В 20-е гг. плановики, основываясь на опыте «военного коммунизма», полагали, что дефицит и «узкие места» должны рассматриваться как критерий реальности планов. На практике это выражалось в планировании по «узким местам» и сокращении планов до уровня, который определялся наиболее значительными диспропорциями. Новые принципы, преобладавшие в 1930—1932 гг., исходили из «расшивки» «узких мест» при помощи увеличения планов.

Последовательное применение этого подхода вело к абсурдным результатам, и сам он в наиболее крайней форме был вскоре отброшен. Все чаще амбициозные официальные планы 1929—1931 гг. были результатом некоторой корректировки еще более решительных предложений, исходивших от различных государственных учреждений и энтузиастов-экономистов и плановиков. Характерный инцидент произошел на заседании Президиума Госплана в мае 1931 г. Госплан СССР согласился с пунктом о 50-процентном приросте промышленного производства в 1932 г. только в противовес предложениям Госплана РСФСР об увеличении этого показателя до 68—70%⁵.

Подобные инциденты были предвестниками длительной и болезненной стабилизации, в ходе которой постепенно формировались более реалистические планы. Однако противоречия между форсированным развитием и потребностью в равновесии оставались постоянной чертой планового процесса; эти две соперничавшие тенденции боролись за преобладание в экономической политике.

Значительные изменения в политике и практике планирования произошли в течение восемнадцати месяцев — между серединой 1931 г. и Пленумом ЦК ВКП(б) в январе 1933 г. В 1930 г. в ходе слома нэпа, насильственной коллективизации и одобрения огромных индустриальных программ, которые смели финансовые ограничители экономического развития, условия планирования, казалось, изменились полностью. Но новая политика вскоре привела к тяжелой экономической дезорганизации и голоду. Это вызвало существенную корректировку экономического курса, в ходе которой Наркомфин вернулся к традиционной борьбе за оздоровление финансов, а Госплан пытался готовить годовые и пятилетние планы, комбинирующие высокие темпы и экономическое равновесие.

Первые из известных попыток Госплана, поддержанных высшими политическими властями, сократить амбициозные планы относятся к августу 1931 г. 11 августа Куйбышев направил в ЦК ВКП(б) и СНК СССР две докладные записки — «Основные линии второй пятилетки» и «О темпах развития металлургии во второй пятилетке», в которых предлагалось значительно снизить задания пятилетки, в частности, по производству чугуна до 45 млн. т. «Проект „Основных линий второй пятилетки“» был рассмотрен на совещаниях при Политбюро, а затем в Совнаркомом СССР. Было решено переработать рассматривавшийся документ «с учетом обмена мнений и, в частности, при определении программы производства стали исходить из отпуска чугуна на последний год пятилетки 25—30 млн. т (считая эту цифру предварительной)». Участники совещания решили также запросить мнение отсутствовавших И. В. Сталина и В. М. Молотова. Вскоре те же совещания приняли предложение И. В. Сталина об установлении «по выпуску чугуна точной цифры 25 млн. т в последний год пятилетки»⁶.

Примерно в это же время Г. К. Орджоникидзе предпринял в ВСНХ аккуратный зондаж по поводу текущих планов производства чугуна и стали. По свидетельству А. С. Точинского, назначенного вскоре главным инженером Главного управления металлургической промышленности НКТП, Орджоникидзе обсуждал с ним проблему обоснованности планов с точки зрения их сокращения⁷. 10 ноября 1931 г. Политбюро приняло программу производства чугуна на 1932 г. в 9 млн. т⁸. По сравнению с ожиданиями весны 1931 г. (11—11,5 млн. т в 1932 г. и 17 млн. т в 1933 г.) это было существенное сокращение. Однако план 1932 г. все еще оставался крайне нереалистичным. Он предусматривал прирост всего за год 4 млн. т чугуна, что, как провозгласил Орджоникидзе, не имело «прецедента в истории развития всего мирового хозяйства»⁹. Прирост промышленной продукции предполагался на уровне 36%, что было ниже предыдущих наметок Госплана для 1932 г. и куда меньше 45-процентного прироста, запланированного на 1931 г. Однако и этот показатель не отличался реализмом, учитывая хотя бы тот факт, что, даже по официальным данным, прирост продукции промышленности в 1931 г. реально составлял 21%.

Существенный беспорядок в разработке экономической политики в это время демонстрировали директивы к составлению второго пятилетнего плана, одобренные в феврале 1932 г. XVII конференцией ВКП(б). Их проект, представленный Госпланом, был подготовлен в большой спешке. 5 января 1932 г. в записке Сталину и Молотову Куйбышев жаловался, что Госплан не сумел получить никаких материалов для составления проекта пятилетки от наркоматов!¹⁰

Наиболее знаменательной чертой этой версии второго пятилетнего плана была радикальность предложений по поводу производства предметов потребления, особенно очевидная на фоне крайне неблагоприятного состояния этой сферы экономики. Согласно резолюции, «обеспечение населения основными потребительскими товарами, и в том числе предметами питания, должно к концу второй пятилетки увеличиться не менее чем в два-три раза против конца первой пятилетки»¹¹. Мысль об утроении пришла к составителям плана не сразу: в проекте доклада Куйбышева к конференции слово «три» добавлено карандашом¹².

В противоположность этим планам предложения, касающиеся инвестиций, были удивительно умеренными. «По очень приблизительным оценкам», капитальные вложения на всю пятилетку составляли лишь 140—150 млрд. руб.¹³ Учитывая, что уже принятые на 1932 г. инвестиции составляли 21 млрд. руб., эти цифры для пятилетки означали ежегодный прирост капитальных вложений лишь в 11—12% по сравнению с 15—25% ежегодного прироста потребления. Столь скромные планы инвестирования демонстрировали отказ от тенденции, абсолютно преобладавшей в 1928—1931 гг. Однако цифры инвестиций, как

показал Э. Валески, были абсолютно несовместимы с показателями производства, одновременно выдвинутыми на конференции¹⁴.

Архивные материалы не позволяют пока точно определить позицию, которую занимали по поводу этих разработок отдельные члены Политбюро. Мы уже говорили, что Сталин и Молотов одобрили существенное сокращение плана производства чугуна на 1937 г. Но, с другой стороны, примерно в то же время Сталин воспрепятствовал намерениям Госплана хотя бы провозгласить более реалистичные принципы капитального строительства. Проект директив второго пятилетнего плана, представленный Куйбышевым в Политбюро, содержал, в частности, такой пункт: «Основным принципом строительного плана второго пятилетия должна стать максимальная концентрация вложений на относительно ограниченном количестве объектов с вводом их в эксплуатацию в предельно короткие сроки. Каждый вновь сооружаемый объект должен быть полностью обеспечен развертыванием смежных и обслуживающих производств». Это свидетельствовало, что Госплан пытался скорректировать прежнюю политику распыления средств по многим объектам, которая разрушительно действовала на экономику. По существу, это была также скрытая критика сложившегося положения с инвестициями. Очевидно, Сталин понимал это и на полях написал: «Нужно ли это? Не нужно!»¹⁵ Этот пункт не вошел в текст директив, одобренных конференцией.

Однако в первые шесть месяцев 1932 г. экономическая ситуация все более ухудшалась. Дополнительные проблемы возникли в связи со значительным увеличением расходов на оборону и сокращением импортных планов из-за кризиса платежей. Для выполнения планов 1932 г. различные ведомства, и прежде всего НКТП, требовали дополнительных ресурсов. Политбюро согласилось с новым существенным увеличением капитальных вложений. Инвестиционный план на 1932 г. был увеличен с 21,1 до 24,3 млрд. руб.¹⁶ В апреле были определены капитальные вложения на второй квартал в размере 28% от общего объема увеличенного плана¹⁷.

Одновременно в первые шесть месяцев 1932 г. были увеличены предварительные показатели плана второй пятилетки. Составление плана было весьма беспорядочным из-за поразительных несоответствий между различными разделами директив, одобренных XVII конференцией. Решая эти проблемы, государственные учреждения при молчаливом согласии Госплана воспользовались сталинскими намеками по поводу встречного планирования, сделанными на XVII конференции, и требовали вернуться к ранее указанным показателям. Так, один из хозяйственных руководителей выдвинул предложение о производстве в 1937 г. 25—26 млн. т чугуна вместо 22 млн. т, что было одобрено XVII конференцией¹⁸. На заседании президиума Госплана 29 мая 1932 г. руководитель сектора металлургии Лауэр утверждал, что даже увеличенные показатели не обеспечат программы 1937 г. по металлопотребляющим отраслям¹⁹. На заседании президиума Госплана 22 июня заместитель председателя Госплана В. И. Межлаук говорил, что запланированный уровень производства чугуна и стали предопределяет «совершенно неудовлетворительные» результаты производства продукции машиностроения²⁰.

Противоречия между относительно высокими заданиями по группам «А» и «Б» и умеренными показателями инвестиций вызывали тревогу у плановиков. В июне руководитель госплановской комиссии по второму пятилетнему плану Боролин докладывал президиуму Госплана, что план капитальных вложений требуется увеличить до 160 млрд. руб.²¹ по сравнению со 140—150 млрд., принятыми партконференцией.

Однако подобные корректировки плана имели слишком мало оснований в сложившейся экономической ситуации. Сельское хозяйство находилось на пороге жесточайшего кризиса. Стремительно рос бюджетный дефицит. Огромных масштабов достигли задержки в выплате заработной платы. В последние

десять дней июля 1932 г. начались существенные перемены в экономической политике.

Сталин и Орджоникидзе в это время находились в отпуске, а партийными и экономическими делами в Москве руководили Л. М. Каганович и В. В. Куйбышев (хотя Сталин поддерживал постоянные тесные контакты с ними). 23 июля Политбюро образовало под председательством Куйбышева комиссию для рассмотрения вопроса о снижении себестоимости строительства. Заручившись согласием Сталина, Куйбышев на заседании комиссии 26 июля выдвинул проект постановления о сокращении финансирования капитального строительства в III квартале 1932 г. на 700 млн. руб. Сокращение касалось всех отраслей, но более всего — тяжелой промышленности (на 405 млн. руб.) и Наркомата земледелия (на 150 млн.). Члены комиссии, представлявшие ведомства, пытались сопротивляться. Заместитель Орджоникидзе Ю. Л. Пятаков, в частности, настаивал, что максимально возможная цифра сокращений по НКТП — 310 млн. руб., представитель Наркомзема требовал снизить сумму сокращений до 120 млн. руб., а наркомвоенмор возражал против сокращения финансирования специальных работ на 40 млн.²² Однако Куйбышев был непреклонен. В записке, посланной в Политбюро, он доложил о недовольстве ведомств, но потребовал утвердить постановление о сокращении капиталовложений в намеченном объеме²³. 1 августа Политбюро приняло соответствующее решение, 3 августа оно было оформлено как постановление СНК²⁴, Это было весьма существенное сокращение — на 10% уменьшалось все инвестирование капитального строительства на III квартал и более чем на 13% вложения по НКТП²⁵.

Как и следовало ожидать, Орджоникидзе протестовал против этого решения, прислав в Москву соответствующую телеграмму. 2 августа Каганович написал ему успокоительное письмо, в котором объяснял обстоятельства дела и уговаривал смириться со случившимся: «На это, друг, мы вынуждены были пойти, финансовое положение требует этого. У нас уже получились огромные задержки в выплате заработной платы, бюджетный дефицит вырос больше, чем когда-либо... Мы писали нашему главному другу, и он счел абсолютно правильным и своевременным сократить миллионов на 700, что мы и сделали. Пробовал я (после твоей телеграммы) на заседании П. Б. уменьшить цифру сокращения по линии Н. К. тяжпрома, но не вышло. Прошу тебя не нервничать и тем более не сердиться. Я глубочайше убежден, что ты бы согласился, если бы был здесь, хотя, понятно, эта операция тяжелая для промышленности»²⁶.

Сокращения инвестиций продолжались и позже. На IV квартал 1932 г. Госплан предложил выделить НКТП лишь 1747 млн. руб. по сравнению с 2645 млн., полученными по сокращенному плану в III квартале. 14 ноября Межлаук направил в Совнарком записку, отвергающую предложения НКТП об увеличении капиталовложений²⁷.

В период этих корректировок квартальных планов Госплан приступил к подготовке плана на 1933 г. Поскольку капитальные вложения были основной пружиной растущей инфляции, Госплан настаивал на еще большем их сокращении в 1933 г. В конце августа у заместителя председателя Госплана Межлаука состоялось несколько совещаний, на которых согласовывались лимиты на 1933 г. перед отправкой их в СНК²⁸. 15 сентября после одобрения в Совнарком Госплан разослал всем наркоматам СССР и Совнаркомам союзных республик для руководства при составлении планов основные лимиты на 1933 г. Уровень капиталовложения по сравнению с 1932 г. был существенно снижен — до 17 680 млн. руб. Эти сокращения в документе обосновывались почти так же, как в госплановском проекте директив второго пятилетнего плана, отвергнутом Сталиным в начале года: «План капитальных работ должен быть построен с учетом необходимости в первую очередь завершения и окончания начатого строительства, организованного упорядочения работ по

капитальному строительству и жесткой концентрации финансовых и материально-технических ресурсов на важнейших объектах, прежде всего на тех из них, которые подлежат пуску в 1933 г.»²⁹

В последующие недели ведомства предпринимали усилия для того, чтобы увеличить эти лимиты, и представляли в Госплан плановые заявки, превосходящие плановые цифры. Правительство, однако, проявило твердость. 10 ноября 1932 г. СТО СССР принял постановление «О невыполнении наркоматами постановлений СНК о контрольных цифрах на 1933 г.» Госплану предлагалось вернуть эти заявки и обязать наркоматы в трехдневный срок переработать документы в соответствии с установленными лимитами, а также представить в Госплан и Наркомфин проекты финансовых планов на 1933 г. «в точном соответствии с установленными для них финансовыми лимитами»³⁰.

Несколькими днями позже, 20 ноября 1932 г., народный комиссар финансов Гринько отправил Сталину, Куйбышеву и Молотову докладную, в которой отмечал «серьезные инфляционные явления» и призывал сформировать государственный бюджет на 1933 г. таким образом, чтобы изъять из обращения 1,5 млрд. руб.³¹

3 декабря Политбюро утвердило «окончательную и не подлежащую пересмотру цифру по капитальным вложениям» — 18 млрд. руб. (в 1932 г. реальные вложения составили 17,9 млрд. руб.)³². После некоторых уточнений 16 декабря эти директивы были одобрены как постановление СНК СССР — из обращения в 1933 г. предполагалось изъять от одного до полутора миллиардов рублей³³. Этот инвестиционный план вместе с заданиями по увеличению промышленного производства на 16,5% (что было существенно меньше планов предыдущих лет) был одобрен в январе 1933 г. Пленумом ЦК ВКП(б).

Во второй половине 1932 г. одновременно с подготовкой умеренного плана на 1933 г. сотрудники Госплана постепенно уменьшали основные лимиты второй пятилетки. К ноябрю 1932 г. были значительно сокращены производственные показатели для тяжелой промышленности³⁴. Даже намного завышенный план по выплавке чугуна — 22 млн. т в 1937 г. — был поставлен под сомнение. 3 ноября 1933 г. руководитель сектора металлургии Госплана Лауэр представил комиссии Межлаука по второму пятилетнему плану баланс по металлургии, который рассчитывался на основе производства 20 млн. т чугуна. Хотя Лауэр просил считать эти наметки «исключительно внутренним документом Госплана», он полагал возможным сообщить их для ориентировки другим секторам³⁵. Через месяц, 2 декабря, в еще одном госплановском документе план по чугуну для 1937 г. был сокращен до 18 млн. т³⁶.

Все это давало основания для уменьшения планов индустриального роста в целом. В уже упомянутых госплановских материалах по второй пятилетке от 3 декабря предусматривался ежегодный прирост промышленной продукции на пятилетие только на 14% по сравнению с 20% периода XVII партконференции. Однако пока это были лишь предложения для обсуждения в Госплане.

В том же месяце в аппарате Куйбышева был подготовлен проект резолюции к Пленуму ЦК партии, которому предстояло подвести итоги первой пятилетки и наметить задания на 1933 г. В первоначальном проекте резолюции, в частности, говорилось: «...Пленум Центрального Комитета считает нужным определить ежегодный рост продукции промышленности в следующем пятилетии в размере 12—16% вместо среднегодовых 20% в первой пятилетке»³⁷. Проект резолюции рассматривался комиссией в составе Сталина, Молотова и Куйбышева, образованной решением Политбюро от 28 декабря 1932 г.³⁸ В результате в проекте появился написанный Сталиным новый пункт «От первой ко второй пятилетке», в котором идея снижения темпов получила идеологическое обоснование. Первый вариант этого пункта в отличие от первоначального проекта резолюции содержал такой пассаж по поводу конкретных показателей прироста промышленной продукции: «а) среднегодовой

прирост промышленной продукции для второй пятилетки должен быть запрокинут не 21—22%, как это имело место в первой пятилетке, а несколько меньше — примерно 14%». Сталин уточнил: «примерно 13—14»³⁹. Эта цифра и вошла в резолюцию, одобренную Пленумом⁴⁰.

Одновременно Госплан пересматривал лимиты капитальных вложений на вторую пятилетку. В документах ноября 1932 г. разрабатывалась возможность их сокращения до 115 млрд. руб.⁴¹, хотя в резолюции январского Пленума 1933 г. никаких упоминаний по поводу капиталовложений не содержалось. Вопрос откладывался на будущее.

В целом в 1932 г. произошли существенные перемены в планировании. Преодоление «узких мест» за счет наращивания капиталовложений сменилось политикой сокращения производственных планов. Принятые Политбюро во второй половине 1932 г. более реалистические цифры экономического роста не были результатом некоего общего принципиального решения, а вынужденным ответом на обостряющийся экономический кризис. Однако это имело далеко идущие последствия для всей системы выработки экономической политики, Госплан теперь был озабочен возможностью составления государственных планов, сочетающих высокие темпы экономического роста с надлежащим балансом ресурсов. Одновременно восстанавливалась традиционная роль Наркомфина в сбалансировании бюджета и стабилизации денежного обращения, Госплан, который с 1927 г. поддерживал политику дестабилизации финансов, теперь сотрудничал с Наркомфином в попытках поддержать устойчивость бюджета. Наркомтяжпром и другие производственные наркоматы, пытаясь получить дополнительные финансовые и иные ресурсы, одновременно урезали производственные планы. Политбюро и Совнарком при поддержке Госплана и Наркомфина пытались уменьшить выделяемые наркоматам ресурсы, одновременно требуя более высоких темпов прироста производства. План 1933 г. и наброски второй пятилетки были результатом своеобразного компромисса между всеми этими инстанциями, идеологически оформленного в известном сталинском лозунге о движении от «пафоса строительства» к «пафосу освоения».

ПЕРИОД ОТНОСИТЕЛЬНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ 1933—1935 гг.

С начала 1933 до середины 1935 г. и текущее, и долгосрочное планирование осуществлялось на более реалистических основаниях. Возможные уровни инвестиций и темпов роста оставались спорным вопросом, но он обсуждалась в рамках более жестких лимитов, чем в предшествующие годы. Планы, достаточно напряженные и амбициозные, были все же более выполнимыми, чем первый пятилетний план.

В течение 1933 г. Политбюро жестко контролировало инвестиции и эмиссию. В первые недели 1933 г. хозяйственные наркоматы пытались превысить установленные лимиты капитальных работ. Имея значительные запасы оборудования и денежных авансов, они ставили вопрос об увеличении объема работ за счет «внутренних резервов». Этому противился Госплан. 20 февраля 1933 г. Межлаук направил Сталину и Молотову докладную, в которой показал, что в случае разрешения ввелимитного строительства ведомства способны развернуть дополнительное строительство на 750 млн. руб., что неизбежно вызовет вовлечение в строительство новых ресурсов. Межлаук просил «указать ведомствам на недопустимость имеющих фактов сверхпланового повышения установленного объема работ по отдельным объединениям и стройкам»⁴². Политбюро поддержало Госплан и 2 марта приняло следующее решение: «Ввиду попыток отдельных наркоматов установить объем капитальных работ на 1933 год в большем размере, чем это соответствует общей сумме финансирования капитальных работ в 18 миллиардов рублей, как это уста-

новлено январским Пленумом ЦК и ЦКК, Политбюро ЦК указывает на безусловную недопустимость таких попыток»⁴³.

Политика сокращения капитальных вложений жестко проводилась в 1933 г., особенно в первые месяцы. Соответственно существенно уменьшилась численность занятых в строительстве рабочих.

Продолжалась в 1933 г. подготовка директив по второму пятилетнему плану, который был одобрен XVII съездом ВКП(б) лишь в феврале 1934 г., т. е. год спустя после официального начала пятилетки. Споры в 1933 г. вновь развернулись вокруг уровня капиталовложений и темпов роста промышленной продукции. В мае и июне 1933 г. в Госплане циркулировали предложения о дальнейшем сокращении обоих этих показателей. 3 мая комиссия Межлаука предложила сократить среднегодовые темпы прироста промышленной продукции до 13%, а производство чугуна в 1937 г.— с 18 до 15 млн. т⁴⁴. В этом руководители Госплана пытались заручиться поддержкой Сталина. 28 мая 1933 г. Куйбышев и Межлаук обратились к нему с письмом, обосновывая целесообразность установления 15-миллионной отметки для чугуна и соответствующих показателей для стали и проката. Они доказывали, что ориентация на выплавку 18 млн. т чугуна, на чем настаивал НКТП, потребует дополнительных капиталовложений и предопределяет ежегодный прирост продукции тяжелой промышленности на 16 вместо 14%, принятых Пленумом. «Ввиду того, что выплавка 15,2 млн. т чугуна и 11,6 млн. т проката удовлетворяет потребности других отраслей при заданном темпе их роста и что эта проектировка достаточно напряжена с точки зрения нового оборудования, особенно в части стали и проката, Госплан просит разрешить вести дальнейшую работу над планом пятилетки на основе указанного лимита»,— заключали свое письмо Куйбышев и Межлаук⁴⁵.

Следов какого-либо ответа на это обращение обнаружить не удалось. Но похоже, что инициатива руководства Госплана одобрена не была. В июне и июле 1933 г. обсуждения в Госплане исходили из 18-миллионного лимита по чугуну⁴⁶. Эта же цифра была включена в директивы, представленные XVII съезду партии шестью месяцами позже.

Госплан тем не менее продолжал настаивать на понижении уровня капитальных вложений. В июне он предлагал довести инвестиции в 1933—1937 гг. до 97 млрд. руб. по сравнению со 135 млрд. руб., требуемыми наркоматами⁴⁷. Это были самые низкие из когда-либо обсуждавшихся цифр. Они означали, что ежегодный уровень капиталовложений за пятилетку лишь немного превышал уровень 1933 г. Происхождение этих лимитов неизвестно. Скорее всего, они были намеренно занижены в Госплане ввиду предстоящего «торга» с наркоматами по поводу пятилетки. Действительно, на состоявшихся вскоре обсуждениях лимитов с представителями ведомств руководители Госплана признавали недостаточность капиталовложений и обещали увеличить их. Куйбышев, например, согласился расширить план капиталовложений по Наркомлесу и Наркомату путей сообщения⁴⁸. Его заместитель Г. И. Ломов, которому пришлось председательствовать при согласовании планов наркоматов легкой промышленности и снабжения, заявил на заседании 2 июля 1933 г.: «... Я во многом согласен с товарищами, которые критикуют вопрос о капиталовложениях. Мне лично кажется, что мы действительно и по линии Наркомснаба, и по линии Наркомлегпрома немного перегнули палку по сравнению с тяжелой промышленностью в сторону недооценки необходимости»⁴⁹.

Когда комиссии, которым поручалось согласовать разногласия с ведомствами, закончили свою работу, выяснилось, что лимиты по капитальным работам выросли до 120 млн. руб. Эту новую цифру обсуждали на совещании под председательством Куйбышева 19 июля. Заместитель Куйбышева Г. И. Смирнов, подводя итоги обсуждения, говорил, что 120-миллиардная программа не обеспечена материальными ресурсами, в силу чего требуется ее сокращение по крайней мере до 90 млрд.⁵⁰ 26 июля новое совещание под

председательством Куйбышева установило компромиссную «окончательную» цифру—112,75 млрд. руб.⁵¹

В последующие три месяца шло неторопливое ознакомление с наметками пятилетнего плана. «Получил твои материалы к пятилетке,— сообщал с юга Молотов Куйбышеву 16 сентября 1933 г. Кое-что успею посмотреть. Без сопроводительного текста трудно разобраться, а текст до меня дойдет, видимо, только в Москве»⁵². Но 15 ноября Политбюро приняло решение о созыве в январе 1934 г. очередного съезда партии. Вторым пунктом повестки дня было намечено рассмотрение второго пятилетнего плана по докладам Молотова и Куйбышева⁵³. Решения об основных параметрах плана нельзя было более откладывать.

Обсуждение тезисов докладов Молотова и Куйбышева на Политбюро было намечено на 20 декабря. В ходе подготовки и обсуждения тезисов лимиты пятилетки были существенно увеличены. Ежегодный прирост промышленной продукции устанавливался теперь на уровне 18%, по сравнению с 13—14%, утвержденными Пленумом ЦК в январе 1933 г. План капитальных вложений был увеличен до 133 млрд. руб. по сравнению со 113 млрд., одобренными Госпланом в июле⁵⁴.

Новый проект был, очевидно, подготовлен на уровне Политбюро, возможно, самим Куйбышевым, без участия работников Госплана. 20 декабря, в день, когда Политбюро обсуждало новые предложения, Лауэр послал сердитое заявление Куйбышеву, Межлауку и Петропавловскому (секретарю партийной организации Госплана): «Считаю необходимым обратить Ваше внимание на то,— писал Лауэр,— что работа по уточнению плана второй пятилетки организована в Госплане абсолютно неудовлетворительно и не обеспечивает доброкачественных проектировок. Мы получили приказ, чтобы в один день проверить таблицы пятилетки и сдать исправленные. Кое-кто получил дополнительную информацию от тов. Гайстера об изменениях, внесенных Вами в первоначальный план. Эти изменения, однако, настолько серьезны, что отражаются косвенно на всех отраслях, и нельзя прямо исправлять таблицы, а нужно заново увязать проектировки каждого сектора (каждой отрасли) с народным хозяйством в целом. Насколько я понимаю, резко изменены темпы роста промпродукции (18 вместо 14%), изменено соотношение А и Б, резко повышены капиталовложения на конечный год (34 млрд. руб. вместо 26 млрд. руб.). Резко повышена продукция машиностроения. Это означает другой баланс стройматериалов, другой баланс металла, другую потребность в топливе и электроэнергии»⁵⁵. Лауэр предлагал отсрочить доработку плана на несколько дней.

Фактически так и произошло. Новые лимиты были готовы к концу декабря. 31 декабря один из ответственных работников Госплана — Гайстер — доложил Сталину о предпринятых изменениях (черновик его записки сохранился в бумагах секретариата Куйбышева). «Согласно указанию тов. Сталина,— писал Гайстер (это, кстати, позволяет с большой долей вероятности предположить, что увеличение лимитов было предпринято по инициативе Сталина.— *Авт.*),— Госплан пересмотрел проектировки по некоторым отраслям НКТП для обеспечения увеличения втрое производства предметов широкого потребления как по легкой и пищевой промышленности, так и соответствующего увеличения производства предметов ширпотреба по НКТП, а также для увеличения снабжения НКПС подвижным составом». Новый проект, докладывал Гайстер, предусматривал увеличение инвестиций в легкую и пищевую промышленность с 7,7⁵⁶ до 14,5 млрд. руб., увеличение производства локомотивов и вагонов и т. д.

3 февраля 1934 г. Молотов и Куйбышев представили новую версию плана XVII съезду: среднегодовые темпы промышленного роста — 19%, инвестиции за пятилетие — 133,4 млрд. руб.

На следующий день, 4 февраля, на утреннем заседании съезда возникла

ситуация, которая уже неоднократно повторялась при рассмотрении пятилетних планов (и на XVI конференции в апреле 1929 г., и на XVII конференции в феврале 1932 г.): делегаты, отстаивая интересы своих регионов, стали требовать увеличения строительных программ. Вечером того же дня выступил Орджоникидзе. Он критиковал тех, кто требовал пересмотреть планы, и заявил: «Если бы мы пошли сейчас по такой линии, чтобы все то, что требуют наши *области* и республики, включать в план второй пятилетки, то из этого получилась бы не пятилетка, а что-то другое. [Голос: „Десятилетка“.] Да, получилась бы десятилетка. Мы, товарищи, хотим иметь такую пятилетку, которая при огромнейшем напряжении сил и средств нашей страны была бы выполнена». Не дав делегатам опомниться, Орджоникидзе выдвинул «встречный план» — сократить годовые темпы роста промышленности в целом с 18,9 до 16,5% и сообщил, что все эти поправки согласованы с другими членами Политбюро⁵⁷. Вскоре после Орджоникидзе с предложениями о сокращении темпов развития отраслей выступили наркомы пищевой промышленности Микоян и легкой промышленности Любимов.

Подводя итоги обсуждения второго пятилетнего плана, Молотов оценил принятые решения о снижении темпов роста как проявление «большевистской осторожности, которая требует серьезного учета всей обстановки, в которой мы живем»⁵⁸. Но при этом сделал заявление, из которого следовало, что темпы индустриального роста могут и должны повышаться, несмотря на одобренные лимиты пятилетки: «В наших годовых планах во второй пятилетке мы должны обеспечить не только выполнение, но и перевыполнение заданий второй пятилетки. Это должно быть отнесено и к текущему году второй пятилетки. Присоединившись к предложению о 16,5% ежегодного прироста промышленной продукции на вторую пятилетку, мы должны сохранить полностью, не сокращая ни на один процент, ни на одну десятую процента принятое партией и правительством задание на 1934 год — второй год пятилетки. А это задание, как известно, определялось в 19%. Это значит, что уже для 1934 г. мы берем повышенное против средних темпов пятилетки задание»⁵⁹.

Информацию, проливающую свет на эти изменения, в архивах обнаружить не удалось. Не более чем предположением остаются утверждения некоторых западных историков, рассматривающих маневры вокруг пятилетнего плана как проявление конфликта между умеренными Куйбышевым и Орджоникидзе и радикальным Молотовым. Единственное известное и правдоподобное, хотя не подтверждаемое документами, свидетельство об этих событиях — анонимное письмо из Москвы, опубликованное в феврале 1934 г. в «Социалистическом вестнике». Автор письма, скрывшийся под инициалом «А», писал: «Накануне съезда всем делегатам съезда были розданы проект пятилетки и статистические и экономические материалы, обосновывающие темпы пятилетки. Но кое-кто из директоров-выдвиженцев высказал Сталину сомнение в выполнимости намеченных темпов, и Сталин решил взять инициативу в свои руки и созвал совещание из директоров заводов, на котором предложил высказаться со всей откровенностью, выполним ли намеченный план. В результате беседы Сталин пришел к выводу, что план следует уменьшить, особенно считаясь с тем, что параллельно с „мирным“ планом советской власти, весьма вероятно, придется осуществлять и план „военный“. По его предложению была создана комиссия в составе Орджоникидзе, Куйбышева, Ворошилова, Пятакова и 60 представителей объединений, которая пересмотрела все нормы второй пятилетки в сторону их уменьшения»⁶⁰.

Изменения, постигшие пятилетний план в недели, предшествующие съезду, и на самом деле дают, однако, возможность для некоторых наблюдений. Очевидно, что в декабре 1933 г. планы производства и инвестиций были увеличены в результате политических решений на самом верхнем уровне без участия Госплана и наркоматов. На съезде состоялся некий компромисс:

новые лимиты (16,5% годового прироста промышленного производства) были средними между 13—14-процентными наметками январского Пленума 1933 г. и 19-процентными предложениями Политбюро. Однако высокие капиталовложения изменены не были. Это была уступка экономическим ведомствам, и прежде всего промышленным. В то же время молотовские призывы к увеличению планов производства показывали, что правительство не отказалось от надежд при благоприятных условиях добиться нового скачка. Необходимо вместе с тем отметить, что все решения и дискуссии пока велись в пределах относительного экономического реализма.

Определенная умеренность восторжествовала при формировании плана на 1934 г. Реальные капиталовложения на 1933 г. составили в текущих ценах 18 млрд. руб. Разрабатывая контрольные цифры на 1934 г., в сентябре 1933 г. Госплан предложил установить лимиты капиталовложений примерно в 21 млрд. руб. и прироста промышленной продукции в 15%. 12 сентября 1933 г. Куйбышев запросил по этому поводу мнение Молотова и получил положительный ответ. 12 сентября Молотов писал ему из отпуска: «К. Ц. (контрольные цифры.— *Авт.*) на 34 год по твоим наметкам считаю правильными. В этом же роде (21 млрд. -f- 15%) я писал недавно Сталину, запрашивая его мнение. Более подробно я еще не вникал в дело»⁶¹. Действительно, в тот же день, 12 сентября, Молотов получил ответ от Сталина: «Согласен, что больше 21 млрд. руб. не следует брать по капитальным работам на 34 год, а прирост пром. продукции — не более 15%. Так будет лучше»⁶². 16 сентября Молотов проинформировал об этом Куйбышева: «Сталин сообщил, что согласен на 34 год с наметками по капитальным работам не больше 21 млрд. руб., по продукции не больше 15%. Твои наметки как раз отвечают этому»⁶³.

Эта переписка, демонстрируя преобладавшую в верхах осторожность при определении экономического курса, вместе с тем позволяет в какой-то мере судить о механизме предварительного согласования основных показателей плана. Куйбышев действует через своего непосредственного начальника по СНК Молотова, тот, в свою очередь, не ссылаясь на предложения Госплана, высказывает свои соображения Сталину, ответ Сталина становится известным Куйбышеву через Молотова.

Однако умеренные настроения в конце года изменились. План 1934 г., одобренный в последние недели 1933 г., был существенно увеличен по сравнению с сентябрьскими намерениями (напомним, что тогда же были увеличены лимиты второй пятилетки, подготавливаемые к съезду партии). Новый план предусматривал 25,1 млрд. руб. капитальных вложений.

Вскоре экономические реальности заставили отказаться от этих намерений. 22 марта 1934 г. Политбюро решило уменьшить капиталовложения на 3,5 млрд. руб.⁶⁴ Автор этого предложения пока неизвестен. Изданное 25 марта 1934 г. во исполнение решения Политбюро соответствующее постановление СНК СССР разъясняло, что сокращения предпринимаются «ввиду совершенно неудовлетворительной подготовки хозорганизаций к строительному сезону (необеспеченность строек проектами и сметами, неподготовленность и запаздывание в перевозке стройматериалов, недостаточная организация подготовки и др.), а также значительного отставания в выполнении производственных программ в I квартале»⁶⁵.

Как обычно, задание произвести сокращение планов отдельных ведомств получил Куйбышев. Однако 22 апреля он сообщил Политбюро, что сумел сократить планы в общей сумме лишь на 2,1 млрд. руб., что вызвало, по его словам, решительное возражение ведомств. Куйбышев признавал, что эти протесты имели основания, так как предпринятое сокращение «уже затронуло целый ряд объектов, имеющих большое народнохозяйственное значение и включенных в титульные списки по прямым решениям ЦК, СНК и Комиссии обороны, а также сокращение коснулось и таких острых позиций, как жилищное и коммунальное строительство». Самостоятельно Куйбышев не

решался на дальнейшие сокращения и запрашивал директивы Политбюро⁶⁶. На следующий день, 23 апреля, Политбюро поддержало Куйбышева — капитальные вложения были сокращены на 2,14 млрд. руб.⁶⁷ Фактически инвестиции в 1934 г. в текущих ценах составляли 21,5 млрд. руб.

План капитальных вложений 1935 г. был также очень умеренным. В июле 1934 г. Политбюро утвердило для 1935 г. только 18 млрд. руб. инвестиций и прирост промышленной продукции на 15%⁶⁸. Эти показатели были ниже даже сокращенного плана 1934 г. Через пять месяцев, в декабре 1934 г., инвестиционный план 1935 г. был увеличен, но только до 19,777 млрд. руб.⁶⁹ Эта цифра была еще раз пересмотрена в последующие несколько недель до 21,684 млрд. руб.⁷⁰ Но даже увеличенный показатель был лишь равен реальным вложениям 1934 г. и существенно меньше, чем лимиты на 1935 г., включенные в план второй пятилетки.

В 1935 г., однако, в отличие от курса прежнего года, план был существенно увеличен — до 24,8 млрд. руб. Этот увеличенный план был почти полностью выполнен. В 1935 г. впервые за многие годы промышленное производство росло более быстрыми темпами, чем было запланировано — по официальным данным на 22,3% по сравнению с 16% по плану.

НАДЕЖДЫ НА НОВЫЙ СКАЧОК 1935—1936 гг.

В 1935 г. более или менее стабильные отношения между высшим политическим руководством и экономическими наркоматами все чаще нарушались. Первоначальный план капитальных вложений на 1936 г., подготовленный Госпланом, был чрезвычайно умеренным. 19 июля 1935 г. Председатель Госплана СССР В. И. Межлаук представил в Политбюро на имя Сталина и в СНК на имя В. Я. Чубаря (Молотов в это время находился в отпуске) лимиты на 1936 г., из которых следовало, что инвестиции должны были составить только 17,7 млрд. руб., существенно меньше, чем в 1935 г. С другой стороны, ссылаясь на высокие темпы роста промышленного производства в 1935 г., Межлаук предлагал принять для 1936 г. этот показатель в размере 25,3%⁷².

На заседании в ЦК ВКП(б) 21 июля 1935 г. рассматривался лишь несколько измененный проект Госплана — инвестиции были увеличены до 19 млрд. руб. Представители ведомств, однако, потребовали на совещании увеличения вложений и нашли поддержку у Сталина. В письме Молотову в тот же день Сталин сообщил: «При самом экономном подходе все же ничего не получается, особенно, если иметь в виду то обстоятельство, что НКОбороны придется удовлетворить полностью при всяких условиях. Я предложил цифру — 22 млрд. руб. ... Межлауку и Чубарю поручили сделать разверстку (наметку) на базе 22 млрд. Посмотрим. Есть некоторые вещи, которых нельзя сокращать: НКОбороны; ремонт пути и подвижного состава плюс оплата новых вагонов и паровозов по НКПС; строительство школ — по НКпросу; переоборудование (техническое) по легпрому; бумажные и целлюлозные заводы — по лесу; некоторые, очень нужные предприятия (уголь, нефть, мартены, станы, вискоза, электростанции, химия) по НКтяжу. Это затрудняет дело. Посмотрим»⁷².

Фактически на совещании 21 июля по предложению Сталина было определено 21 350 млрд. руб. капиталовложений. Поэтому, выполняя поручение о подготовке нового плана на 22 млрд., в Госплане распределили лишь оставшиеся 650 млн. руб. Об этом Межлаук сообщил Сталину и Чубарю, представляя им новые лимиты 26 июля 1935 г. В своей записке Межлаук признавал, что при финансировании капитальных работ в размере 22 млрд. руб. возникает ряд серьезных проблем — трудным будет положение НКТП «с точки зрения обеспечения перспективного развития на 1937—1938—

1939 г.» и Наркомлегпрома, которому вместо выделенных 1,05 необходимо 1,4—1,5 млрд. руб. Несмотря на это, писал он, дальнейшее увеличение лимита капитальных работ на 1936 г. будет «весьма затруднительным по финансовым соображениям». При таких условиях, писал Межлаук, «следовало бы обсудить вопрос только о возможном небольшом увеличении капитальных затрат по Наркомтяжпрому и Наркомлегпрому, главное внимание обратив на удешевление капитального строительства» (на 15—20%). Дополнительные средства для капитального строительства Межлаук предлагал искать в самих наркоматах и ведомствах. С этой целью он считал возможным установить новый порядок планирования капитальных работ, разрешив советским, хозяйственным, кооперативным и общественным организациям производить сверх установленных для них лимитов затраты, «дающие немедленный хозяйственный эффект за счет сверхплановых накоплений и мобилизации внутренних ресурсов» (речь шла о приобретении недорогого оборудования, затратах на незначительный ремонт предприятий, жилья, благоустройство населенных пунктов). По расчетам, утверждал Межлаук, это позволит привлечь дополнительно до 900 млн. руб. капиталовложений, в том числе 350 млн. на ремонт жилья⁷³.

Таким образом, руководство Госплана ориентировалось на прежнюю ограничительную политику, позволившую в 1934—1935 гг. добиться некоторой стабилизации экономики. Однако предложения Госплана на этот раз были отвергнуты. 28 июля 1935 г. Политбюро вновь рассматривало директиву ЦК ВКП(б) и СНК СССР по составлению контрольных цифр на 1936 г. Объем капитальных вложений был утвержден в сумме 25—27,3 млрд. руб.⁷⁴ Главную роль в этом повышении, судя по всему, сыграл Сталин. По поводу этого решения он писал Молотову: «22 млрд. не хватило, и, как видно, не могло хватить. Увеличение по школьному строительству (+ 760 млн.), по легпрому, лесу, пищепрому и местпрому (всего + 900 с лишним млн. руб.), по обороне — (+1 млрд. 100 млн.), по здравоохранению, Москаналстрою и другим статьям (более 400 млн. руб.) определили физиономию и размеры КЦ на 36 год.

Я не жалею, так как все, что умножает продукцию предметов ширпотреба,— необходимо усиливать из года в год. Без этого — нет возможности двигаться теперь вперед»⁷⁵.

Увеличение капиталовложений летом 1935 г. было отражением новых настроений советского политического руководства. Проявляя относительную осторожность в годы глубокого кризиса на рубеже первой и второй пятилеток, после относительной стабилизации, оно чувствовало себя увереннее и явно поворачивало «генеральную линию».

Особенно наглядно эта тенденция проявилась осенью и зимой 1935 г., в период развертывания стахановского движения. В конце 1935 г. был поставлен вопрос о новом увеличении контрольных цифр на 1936 г. При проработке новых лимитов в Госплане его руководители отстаивали свои прежние позиции. В архиве сохранился вариант проекта новых директив по народнохозяйственному плану на 1936 г., датированный 29 ноября и завизированный Межлауком. В этом документе предлагалось значительное увеличение июльских директив по производству, приросту производительности труда и снижению себестоимости. Так, общий рост промышленной продукции в 1936 г. предлагалось довести до 25—26%. Хозяйственным наркоматам СССР и СНК союзных республик предлагалось «пересмотреть в пятидневный срок представленные ими планы капитальных работ, имея в виду исключение из плана вложений, ставших ненужными вследствие того, что внедрение стахановских методов в производство обеспечивает намеченный планом рост производства за счет полного использования мощностей существующих предприятий и наличного оборудования, и внести свои предложения в ЦК и СНК СССР»⁷⁶.

На заседаниях 4 и 9 декабря Политбюро рассмотрело и одобрило директивы плана на 1936 г. Они предусматривали некоторое сокращение прироста

промышленной продукции — с 25—26 до 23% и одновременно завышенные задания по капиталовложениям — 31,6 млрд. руб. в сравнении с 28,3 млрд. руб., предлагаемые Госпланом. Эта цифра была зафиксирована в постановлении Совнаркома о плане 1936 г., принятом 9 декабря⁷⁷.

В дальнейшем контрольные цифры на 1936 г. еще несколько раз увеличивались. К октябрю 1936 г. планы капитальных работ были доведены до 36,1 млрд. руб., что превышало фактически выполненный в 1935 г. объем работ на 50% и на 83% цифры, предложенные Госпланом в июле 1935 г.⁷⁸ Столь значительное наращивание вложений вызывало в народном хозяйстве серьезные проблемы, которые усугублялись усилением политических репрессий. На практике эти высокие инвестиции не были обеспечены. Реальные капиталовложения в 1936 г. в текущих ценах насчитывали только 31,8 млрд. руб.

НАЗАД К УМЕРЕННОСТИ? ПЛАН 1937 г.

Попытки форсировать экономическое развитие при помощи стахановского движения породили обычные в таких случаях противоречия и проблемы: рост незавершенного производства, падение качества, диспропорции между различными отраслями, дестабилизацию бюджета и т. д. Все это в очередной раз заставило предпринять отступление, проявить относительную осмотрительность. Одним из инициаторов этого поворота при формировании плана на 1937 г. вновь выступил Госплан. В июле 1936 г. его сотрудники подготовили проект директив к составлению народнохозяйственного плана на 1937 г. и направили их в ЦК и СНК на имя Сталина и Молотова. Принципы, которыми руководствовался Госплан при подготовке этого документа, были изложены в сопроводительном письме к директивам, подписанном Межлауком⁷⁹. Этот сугубо служебный документ, помеченный грифом секретности, не отличался тем не менее особой откровенностью и сообщал в основном об успехах стахановского движения и перевыполнении пятилетнего плана. О существовавших проблемах можно было лишь догадываться в связи с предложениями, которые выдвигались в письме. Например, главными задачами тяжелой промышленности на предстоящий год назывались подтягивание отстающих отраслей, резкое повышение качества продукции, достижение полной ее комплектности, сокращение незавершенного производства и уменьшение потерь на этой основе. Прирост продукции тяжелой промышленности предлагалось сократить до 20,1% по сравнению с 34,4% в 1936 г. Существенно — до 28,6 млрд. руб. по сравнению с 35,5 млрд в 1936 г. — Госплан предлагал уменьшить капиталовложения. В обоснование этого показателя в записке, подписанной Межлауком, говорилось: «Прошедшими отраслевыми конференциями по пересмотру норм выявлены значительные резервы производственных мощностей по всем отраслям народного хозяйства, позволяющие добиться выполнения установленных планом заданий по производству при меньших капиталовложениях. В этих условиях центральной задачей строительства должно явиться сосредоточение внимания всех хозяйственных организаций на максимальном использовании этих резервов с тем, чтобы новое строительство было сконцентрировано в тех отраслях, уровень производства которых и намеченные производственные мощности отстают от потребностей народного хозяйства... Сужение фронта строительства при росте материальных ресурсов и рост механизации дают возможность коренным образом упорядочить и удешевить капитальное строительство».

19 июля 1936 г. Совнарком и ЦК ВКП(б) фактически приняли директивы плана на 1937 г., предложенные Госпланом. Капиталовложения в 1937 г. были установлены на уровне 28,6 млн. руб. в ценах 1935 г.; поскольку

же стоимость капитального строительства на 1937 г. планировалась на 12% ниже уровня 1935 г., инвестиции в 1937 г. составляли только 25,17 млрд. руб.

Предложения по поводу роста промышленной продукции в июльских директивах также демонстрировали их умеренность: она должна была увеличиться на 23%⁸⁰. Продукция наркоматов легкой, пищевой и местной промышленности должна была расти более быстрыми темпами, чем производство Наркомтяжпрома.

В течение следующих нескольких месяцев план капиталовложений увеличивался. Окончательные цифры, с опозданием одобренные ЦИК СССР 29 марта 1937 г., были повышены до 29,17 млрд. руб.⁸¹ Но даже после этого план капиталовложений 1937 г. был на 10% ниже ожидаемых результатов 1936 г. в текущих ценах. План промышленной продукции оставался на уровне, зафиксированном директивами от 19 июля 1936 г.: окончательный план 1937 г. предусматривал увеличение промышленной продукции на 20,8% по сравнению с 30,1%, ожидаемых в 1936 г.⁸²

Парадоксальным образом движение к более умеренной и взвешенной экономической политике происходило в условиях усиления массовых репрессий, затронувших прежде всего промышленные и транспортные наркоматы.

Возвращение к плановой умеренности было вызвано тяжелым положением, в котором находилось народное хозяйство. Как известно, с 1937 г. началось падение темпов прироста производства, обострились противоречия, порождаемые существовавшей хозяйственной системой. Специалистам еще предстоит выяснить, какие факторы влияли на это, в частности, в какой мере проблемы конца 30-х г. были предопределены попыткой нового скачка на волне стахановского движения.

Конкретное изучение обстоятельств разработки и принятия планов второй пятилетки прежде всего подтверждает факт, который вряд ли нуждался в особом подтверждении: высшей инстанцией, в конечном счете определявшей принципы экономической политики, было Политбюро, которое, в свою очередь, руководствовалось мнением Сталина. Однако это не раз доказанное положение, как свидетельствуют приведенные материалы, лишь отчасти характеризует механизм принятия экономических решений.

Отрезвление после кризиса на рубеже пятилеток сопровождалось нарастанием относительного «разномыслия» в различных структурах партийно-государственного аппарата. Не имея больше возможности беспрекословно подчиняться принципам форсированного развития и вынужденные считаться с социально-экономическими реальностями, различные инстанции, не исключая и высшее политическое руководство, все чаще предлагали решения, противоречившие политике «большого скачка». Все откровеннее проявляли себя прагматичные ведомственные интересы, ранее абсолютно подавленные «единой волей». Корректировка же «генеральной линии», придание ей большей гибкости происходили в результате сложного взаимодействия интересов и позиций различных государственных инстанций: хозяйственных наркоматов, Госплана, Наркомфина, руководства правительства. Политбюро и Сталин чаще всего выступали в роли арбитра, который хоть и обладал решающим голосом, но должен был считаться с претензиями нередко конфликтующих сторон. В советской партийно-государственной системе весомость этих претензий напрямую зависела как от степени приоритетности задач, которые решало то или иное ведомство, так и от влияния его руководителя. Некоторую роль в разработке экономической политики мог играть, например, такой внеэкономический фактор, как членство Куйбышева или Орджоникидзе в Политбюро.

В СССР, как и в других государствах, основанных на жесткой централизации, сохранялась тем не менее некоторая независимость отдельных структур. Теперь можно утверждать, например, что руководство Госплана на протяжении второй пятилетки последовательно отставало сравнительно сбалансированную

экономическую политику, выступало за ограничение капиталовложений. Причем происходило это даже в тех случаях, когда высшее политическое руководство страны очевидно придерживалось курса на ускорение экономического развития и наращивание инвестиций.

Надежды же на новый скачок, как свидетельствуют факты, у лидеров страны сохранялись даже после того, как провал подобной политики в годы первой пятилетки заставил их проявлять большую осмотрительность. Корректировка планов сопровождалась заявлениями о необходимости их перевыполнения. По мере стабилизации планы становились все более радикальными, хотя уроки первой пятилетки не прошли бесследно: экономические амбиции второй половины 30-х гг. укладывались в более жесткие и прагматичные рамки, чем это было в период «большого скачка».

Примечания

- ¹ Кузьмин В. И. В борьбе за социалистическую реконструкцию. 1926—1937. Экономическая политика Советского государства. М., 1976; Лельчук В. С. Индустриализация СССР: История, опыт, проблемы. М., 1984; Денис Р. У. Советская экономика в период кризиса. 1930—1933 годы//История СССР. 1991. № 4; Move A. An Economic History of the USSR. L., 1969; Z a l e-ski E. Stalinist Planning for Economic Growth. 1933—1952. L., 1980; J a s n y N. Soviet Industrialization 1928—1952. Chicago, 1981 и др.
  - ² Davies R. W. The Soviet Economy in Turmoil. 1929—1930. L., 1989; P. 399—400.
  - ³ РГАЭ, ф. 4372, оп. 29, д. 90, л. 41.
  - ⁴ Плановое хозяйство. 1931. № 2. С. 12.
  - ⁵ РГАЭ, ф. 4372, оп. 29, д. 73, л. 174, 419, 705—707.
  - ⁶ Кузьмин В. И. Указ. соч. С. 187—188. Автор не привел источников этой информации.
- Соответствующие документы в архивах пока не обнаружены.
- ⁷ Были индустриальные: Очерки и воспоминания. М., 1973. С. 191—194.
  - ⁸ Индустриализация СССР. 1929—1932 гг.: Документы и материалы. М., 1970. С. 606.
  - ⁹ Правда. 1932. 5 января.
  - ¹⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3а, д. 101, л. 1—2.
  - ¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. (далее КПСС в резолюциях). Т. 5. М., 1984. С. 393.
  - ¹² РЦХИДНИ, ф. 79, оп. 1, д. 561, л. 22.
  - ¹³ XVII конференция ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1932. С. 149, 170.
  - ¹⁴ Zaleski E. Op. cit. 127—128.
  - ¹⁵ РЦХИДНИ, ф. 558, оп. 1, д. 3000, л. 11.
  - ¹⁶ См.: Zaleski E. Planning for Economic Growth in the USSR. 1918—1931. Chapel Hill. 1971. P. 217. Пересмотренные цифры появились в статье, отправленной в печать в мае (Плановое хозяйство. 1932. № 1. С. 133.).
  - ¹⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 878, л. 61 (решение Политбюро от 31 марта); ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 67, ст. 508 (постановление Совнаркома от 16 апреля).
  - ¹⁸ За индустриализацию. 1932. 15 апреля.
  - ¹⁹ РГАЭ, ф. 4372, оп. 30, д. 25, л. 229.
  - ²⁰ Там же, л. 383.
  - ²¹ Экономическая жизнь. 1932. 24 июня.
  - ²² ГА РФ, ф. 5446, оп. 22, д. 21, л. 8—9.
  - ²³ РЦХИДНИ, ф. 79, оп. 1, д. 376, л. 1—2.
  - ²⁴ Там же, ф. 17, оп. 3, д. 894, л. 3, 12; ГА РФ, ф. 54546, оп. 57, д. 20, л. 100—101.
  - ²⁵ Первоначальный план капитальных вложений на III квартал, одобренный 17 июля, см.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 889, л. 15; ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 69, л. 114.
  - ²⁶ РЦХИДНИ, ф. 85, оп. 29, д. 433, л. 1—2.
  - ²⁷ РГАЭ, ф. 4372, оп. 31, д. 25, л. 347—348.
  - ²⁸ Там же, д. 24, л. 7—23.
  - ²⁹ Там же, л. 113—115.
  - ³⁰ ГА РФ, ф. 5446, оп. 13, д. 23, л. 2.
  - ³¹ Там же, оп. 22, д. 5, л. 34—45.
  - ³² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 910, л. 5—6.
  - ³³ ГА РФ, ф. 5446, оп. 57, д. 21, л. 165—166, 168.
  - ³⁴ РГАЭ, ф. 4372, оп. 31, д. 24, л. 31.
  - ³⁵ Там же, д. 513, л. 133—137.
  - ³⁶ Там же, оп. 92, д. 10, л. 164—166.
  - ³⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 750, л. 52.
  - ³⁸ Там же, оп. 3, д. 913, л. 9.
  - ³⁹ Там же, оп. 2, д. 750, л. 54—56.
  - ⁴⁰ КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 18.

- ⁴¹ РГАЭ, ф. 4372, оп. 31, д. 24, л. 36.
- ⁴² Там же, оп. 92, д. 13, л. 26—30.
- ⁴³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 917, л. 7.
- ⁴⁴ РГАЭ, ф. 4372, оп. 92, д. 14, л. 62—65.
- ⁴⁵ Там же, д. 13, л. 98—103.
- ⁴⁶ Там же, д. 18, л. 1—2.
- ⁴⁷ Там же, д. 17, л. 366.
- ⁴⁸ Там же, д. 16, л. 149—150; д. 17, л. 213—214.
- ⁴⁹ Там же, д. 16, л. 415.
- ⁵⁰ Там же, д. 17, л. 367, 434—442.
- ⁵¹ Там же, д. 18, л. 76—78.
- ⁵² РЦХИДНИ, ф. 79, оп. 1, д. 798, л. 5.
- ⁵³ Там же, ф. 17, оп. 3, д. 933, л. 5.
- ⁵⁴ Там же, ф. 558, оп. 1, д. 3109; ф. 79, оп. 1, д. 563, л. 1—23.
- ⁵⁵ ГА РФ, ф. 5446, оп. 22, д. 24, л. 114—114 об.
- ⁵⁶ Там же, ф. 5446, оп. 22, д. 27, л. 230—234.
- ⁵⁷ XVII съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1934. С. 435.
- ⁵⁸ Там же. С. 523.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Социалистический вестник. 1934. № 4. С. 14.
- ⁶¹ РЦХИДНИ, ф. 79, оп. 1, д. 798, л. 4.
- ⁶² Коммунист. 1990. № 11. С. 105.
- ⁶³ РЦХИДНИ, ф. 79, оп. 1, д. 798, л. 5—6.
- ⁶⁴ Индустриализация СССР. 1933—1947 гг.: Документы и материалы. М., 1971. С. 619.
- ⁶⁵ ГА РФ, ф. 5446, оп. 57, д. 30, л. 14.
- ⁶⁶ Там же, оп. 22, д. 92, л. 20—21.
- ⁶⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 944, л. 21.
- ⁶⁸ Там же, д. 949, л. 6.
- ⁶⁹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 57, д. 33, л. 223—226.
- ⁷⁰ Народнохозяйственный план на 1935 г. М., 1935. С. 460—461. Эта цифра включала 494 млн. руб. на покрытие роста заработной платы и стоимости фуража в результате отмены карточек и соответствующего увеличения цен на хлеб и зерно.
- ⁷¹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 26/4, д. 9, л. 247—255.
- ⁷² РЦХИДНИ.
- ⁷³ ГА РФ, ф. 5446, оп. 26/4, д. 9, л. 247—268.
- ⁷⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 969, л. 1, 31—36.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ РГАЭ, ф. 4372, оп. 92, д. 59, л. 11 — 17.
- ⁷⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 973, л. 43—46, 60—63; ГА РФ, ф. 5446, оп. 57, д. 38, л. 171 — 172.
- ⁷⁸ ГА РФ, ф. 5446, оп. 20, д. 62, л. 170.
- ⁷⁹ РГАЭ, ф. 4372, оп. 92, д. 63, л. 210—225.
- ⁸⁰ ГА РФ, ф. 5446, оп. 57, д. 42, л. 114—122.
- ⁸¹ Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 г. М., 1937. С. 36.
- ⁸² Там же. С. 44—45.